

*ЗАДОРЖНЫЙ Г.В. доктор экономических наук, профессор,
академик Международной кадровой академии,
главный редактор журнала «Социальная экономика»
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина*

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК ФОРМАТ ОСОЗНАНИЯ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

*Экономика должна служить человеку,
а не человек служить экономике
Морис Алле*

Тезисное изложение заявленной темы хочу начать обращением внимания к предисловию академика-секретаря Отделения экономики РАН Д.С. Львова к статье Р. Гринберга и А. Рубинштейна «Социальная экономика: введение в новую аксиоматику» (Российский экономический журнал, 1997, № 1), в котором он сделал акцент, во-первых, на отсутствии в современной экономике «теоретического ядра» (которое признавали бы экономисты с самыми разными взглядами), что равнозначно отсутствию системы исходных теоретических постулатов, составляющих основу подлинной науки, и, во-вторых, высказался о социальной экономике как перспективном научном направлении, «в рамках которого достаточно органично соединены основные положения современной рыночной теории с постоянно усиливающимся в демократических обществах антропологическим, социальным фактором».

В то, уже кажущееся далеким, время это была явная заявка на теоретический прорыв в экономической науке за пределы рыночной теории, но спустя десятилетие заявка превратилась в более содержательно очерченную научную гипотезу, которую следует развивать в научном плане, а также реализовывать в хозяйственной деятельности во благо всего народа.

Социальная экономия как наука о реализации в хозяйстве духовно-интеллектуального потенциала личности

*В той всеобщей научной, философской и религиозной
тревоге, которая все сильнее охватывает современное
человечество, ломаются старые перегородки, прежде
герметически разгораживавшие разные области мысли,
и изменяются границы их территорий*
С.Н. Булгаков

*Нынешний культ непосредственности может быть реакцией
на чрезмерный интеллектуализм, которому недостает
человечности*
Митрополит Георгий Ходр

Второе десятилетие отечественная экономическая наука погружается в кризис. Главной причиной тому служит бездумное заимствование отжившего свой век прозападного мейнстримовского экономикса, который направлен на апологетическую защиту рыночного фундаментализма как неолиберальной идеологии современной формы глобализации. Но главная беда, которую напрочь не хотят замечать, прежде всего те, кто подражательно реформирует сферу высшего образования, состоит в привитии устарелого, полувековой давности экономического мировоззрения студентам университетов, манипулятивно запрограммированного теми, кто не желает допустить, чтобы в центре Европы развивалась критически мыслящая нация, способная использовать духовно-интеллектуальную составляющую во благо своего народа, своей страны. Нам в их стратегии отведена роль страны-потребителя того, что уже стало излишним для их собственного употребления. Будь-то теории, низкопробные фильмы и попса разлагающей масс-культуры, или же генно-модифицированные продукты, от которых отказались все здравомыслящие нации, пекущиеся о своем будущем.

Трудно не согласиться с А.К. Поповым в том, что «вместо экономики и хозяйства теперь мы имеем институционализированные шоу-экономику и шоу-бизнес, в которых решаются не настоящие хозяйственные и экономические вопросы производства, обмена, распределения и потребления, а вопросы конвертирования валюты и финансовых спекуляций, стабилизационного фонда, обеспечения мобильности всякого рода ресурсов, в том числе трудовых, маркетинга и рекламы, коммерциализации всего и вся вплоть до искусства и святынь» [1, с.40]. Целью такого «перекручивания»

является создание потребляющей и голосующей человеко-машины, лишенной ума, воли, сознания и самосознания, утратившей субъектность, идентичность и вообще способность к самоидентификации. Человек-автомат и общество-автомат «способны только к низшим формам психической деятельности, т.е. дебилизируются и деградируют» [1, с.40].

Возникает вполне закономерный вопрос: **нужна ли такая экономическая теория**, а шире – **экономическая наука украинской нации**, которая стремится стать не просто самостоятельным субъектом глобализации, но, что несомненно важнее и нужнее, **процветающей в духовном и материальном плане нацией**, которая **сама способна** определять свое будущее и созидательной хозяйственной деятельностью добиваться сознательно выработанных целей? Для тех, кто душой болеет не за свой корыстный, чисто эгоистический интерес, а за настоящее и будущее своих детей как части украинского народа, ответ является отрицательным. И проблема эта выходит далеко за пределы одной нации, ибо выжить в одиночку в современном переполненном социальными, техногенными, а как следствие и природными рисками, практически невозможно. Хотя каждая нация должна находить **свои** стратегию и тактику решения острейших социально-экономических проблем и вести диалог с другими нациями о выживании всего человечества. Если раньше материки и народы разделяли пространство и время, то теперь планета стала одной лодкой и потонут в ней все без исключения.

Не допустить сценария движения человечества к небытию, который уже во многом начал реализовываться, становится приоритетом из приоритетов, требующим качественных сдвигов прежде всего в системе человеческих ценностей. М. Вебер глубоко исследовал проблему социальных действий, различая формальную и сущностную рациональность. «Формальная экономическая рациональность» определяется мерой технически возможного для экономики и действительно применяемого расчета. Напротив, «сущностная рациональность» характеризуется степенью, в какой обеспечение определенной группы людей жизненными благами достигается посредством экономически ориентированного социального действия, учитывающего (в прошлом, настоящем или потенциально определенные ценностные постулаты, независимо от природы этих ценностей» [2, с.85]. В ходе дальнейших своих рассуждений он доказал, что «чисто формальная» рациональность денежных расчетов может рассматриваться как *второстепенная* или даже *противоречащая* предусматриваемым ими (высшими ценностями) конечным целям, независимо даже от результатов, вытекающих из современного

отношения к вычислениям» и «*абсолютная целерациональность* действия, игнорирующая фундаментальные ценности, рассматривается лишь как *предельный* случай» [2, с.86, 26] (выделено мной – Г.З.). Однако инерция мышления в духе догмы экономизма сегодня настолько сильна, что обращать внимание на сущностную рациональность и ее первичность по отношению к формальной рациональности в среде отечественных экономистов не принято. Между тем еще в октябре 1995 г. И. Валлерстайн во вступительном слове на Международном коллоквиуме «Университеты и обществоведение: новые пути к общественной рациональности» призвал интеллектуалов ощутить свою ответственность и изменить сам статус обществоведения, возникшего как интеллектуальное дополнение либеральной идеологии. Для того, чтобы оставаться востребованным в обществе и не оказаться на задворках научного мира, следует «вернуть понятие сущностной рациональности в центр наших научных исследований» [3, с.209]. Этого требует и переход к постнеклассической науке, знаменующий собой приоритетность *ценностно-рационального* поиска в ходе научных исследований.

Возникает закономерный вопрос: каким образом это можно сделать?

Для этого требуется, во-первых, понимание того, что мир и жизнедеятельность человека – феномены *целостные*. Выделение из них каких-то отдельных сторон, аспектов, уровней и т.д. было необходимо на предыдущих этапах развития науки. Сегодня речь должна идти о *синтезе* накопленных знаний. Причем этот синтез должен быть *всеобъемлющим*: включать не только научные, но и вненаучные знания, как-то философские, религиозные, обыденные и пр. Проблема сводится к тому, что необходимо формировать *универсумное* знание, находящееся за пределами фундаментальной экономической науки [4, с.39], равно как и за пределами каждой из существующих обществоведческих наук.

Но большинство нынешних обществоведов глубоко специализированы лишь в своей области, в связи с чем возникает второй момент, второй уровень, имеющий непосредственное отношение к синтезу современных знаний о реальности. Применительно к экономической науке он преобразуется в поиск той парадигмальной теории, которая позволила бы синтезировать знания о хозяйственной деятельности человека и представила бы ее как всю сферу жизнедеятельности. На мой взгляд, о чем я писал ранее [5; 6; 7], такой теорией или научной областью постнеклассического знания может и должна стать *социальная экономия*, всесторонне изучающая социальную экономику как формирующуюся реальность.

Понимание необходимости такого парадигмального сдвига постепенно приходит к исследователям стран б-Союза¹. Так, М.А. Шабанова начинает свою статью «Социоэкономика: от парадигмы к новой науке» констатацией того, что «последнее десятилетие XX в. ознаменовалось стремительным развитием на Западе *социоэкономики*...Если социоэкономика за рубежом столь стремительно развивается, значит, во-первых, в ней есть острая *потребность* (научная, практическая или и та и другая одновременно), а во-вторых, для ее развития сложились определенные *предпосылки*» [8, с.121].

Шабанова М.А. предлагает и свое понимание определения социоэкономики. Вот оно: «*Социоэкономика* на разных уровнях социальной реальности (макро-, мезо-, микро-) изучает: *экономические* аспекты воспроизводства *социума*; *социальные* аспекты воспроизводства *экономики*; их *взаимосвязи* и *взаимообусловленности*; производит *измерения* этих взаимосвязей и *взаимообусловленностей* на основе оценки соотношения затрат и результатов (последствий) деятельности акторов разных уровней. Иными словами, в центре внимания социоэкономики – не односторонняя, а взаимная связь между экономикой и обществом, экономическими и социальными аспектами воспроизводства (функционирования и развития) хозяйственных единиц и акторов разных уровней. При этом широта и глубина *социологического* подхода к изучению этой взаимосвязи (вклад экономической социологии) дополняются более точными оценками и более высокими предсказательными возможностями *экономического* подхода – стремлением соизмерять производимые затраты с достигаемыми результатами (в том числе и в более-менее отдаленной перспективе), оптимизировать соотношение выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов» [8, с.128].

Весьма отрадно, что к проблемам социоэкономики начали обращаться даже те российские экономисты, которые в силу своей должностной принадлежности к ВШЭ, являются ярыми пропагандистами-подражателями экономического мейнстрима. Так, Ф.М. Бородкин в своей статье «Социоэкономика» акцентирует внимание на том, что «закончилась история человечества как ресурса,

---

¹ Одним из первых, насколько мне известно, к проблемам социальной экономики обратился В. Еременко («О науке и курсе «Социальной экономики» // Экономика Украины, 1996, № 5). О моем отношении к трактовке предмета социальной экономики в понимании В. Еременко см. Задорожный Г.В. О «абсолютных нелепостях», «несуразностях» и «глупостях» в экономической науке // Социальная экономика, 2005, № 3-4.

средства, источника, инструмента. Началась принципиально иная история – приспособление накопленного опыта хозяйствования, взаимодействия, использование накопленных благ, созданных и строящихся структур для устройства удобной, комфортной жизни людей... Лозунг «жить, чтобы работать» сменился девизом «работать, чтобы жить», что одновременно означает «и переворот в науках о хозяйствовании. Привычный русскому уху термин «экономика» стал иногда сменяться, замещаться термином «социоэкономика» как для обозначения способа хозяйствования, так и множества наук о таком хозяйствовании» [9, с.122].

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с тем, что предмет у социоэкономики «почти тот же, что и у знакомой нам экономики (капитализма) – практика и теория хозяйствования, имеющего определенные характеристики», но только лишь «в социоэкономическом способе хозяйствования по сравнению с экономическим переворачиваются всего две нормы» [10, с.146]. Инерция мышления делает свое дело: когда-то «перевернули» капитализм и получили социализм, теперь тем же «макаром» уже создают социоэкономiku. Такой чисто *механический, упрощенный* подход к определению предметного поля социальной экономики вряд ли принесет пользу новой науке. Хотя признание того, что «в социоэкономике оказываются заведомо неисполняемыми, неприменимыми некоторые постулаты, действующие в экономике», к которым автор отнес свободу и рациональность индивидуального выбора и межиндивидуальных трансакций; потенциальную товаризованность любого блага или услуги; прибыль как наиболее сильный мотив поведения – уже значительный прогресс. Новым, и, видимо, положительным представлено и возникновение и расширение действия неких морально-этических ограничений, не обязательно зафиксированных законодательными актами [10, с.146–147]. Но это все же, хотя и приятные, но лишь *декларации*, которые, впрочем, свидетельствуют о том, что «процесс пошел».

На мой взгляд, формирование новой науки социальной экономики обусловлено *более глубинными* процессами, которые основываются на том, что, говоря словами А.И. Солженицина, «наша жизнь – не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста», а «главный ключ нашего бытия или небытия – в каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении Добра и Зла» [11, с.329, 328]. Человек живет, процветает, самореализуется и творит посредством своей духовности, основанной на нравственных ценностях как ему *внутренне* присущих. Мораль и этика – понятия из другой оперы: они отражают то, что человеку *насаждается*,

предписывается **внешним** образом. Это отличие имеет *принципиальное* значение, ибо в скрытом виде то переворачивание двух норм, о котором пишет Ф.М. Бородкин, заключает в себе неизменность реального положения человека в экономической сфере: она над ним господствует и не реагирует на подобного рода заклинания. Важно всегда помнить, что «в общем этическом поле, существующем с «осевого» времени, можно выделить три структурных элемента: *нравственность*, или индивидуально-поведенческие установки личности; *мораль*, или социально-поведенческие установки человеческих сообществ, и *этику* – науку о наиболее общих законах поведения как отдельного человека, так и коллективов Homo sapiens» [12, с.82]. При этом мораль и этика ориентируются на внешние для человека законы и нормы, вменяют их человеку, что равнозначно формированию такого модного сейчас «человека институционального», т. е. послушного и нетворческого [см. 13, с.104, 106]. Но весь смысл в разработке социальной экономики как *интегральной, высшей* на сегодня экономической теории состоит не в морально-этической институционализации человека, сколь бы это заманчивым не было для социотехнологов и социоинженеров, но в том, чтобы понять человека как *духовно-телесное* существо, которое может развивать и самореализовывать свои духовно-интеллектуальные потенции посредством своей хозяйственной деятельности, которая и является его жизнедеятельностью. Речь здесь идет не о *норме* как *чисто внешнем* для человека феномене, а о *мере* как естественном механизме обеспечения *гармонии* в саморазвитии человека посредством нравственно определяемой самодеятельности.

Весьма выразительно и образно об этих феноменах написал В. Личутин: «Норма – это пайка, ломоть, государственный способ управления народом, она была условной во все времена и зависит от чина личности в иерархической лестнице и лишь подчеркивает социальное неравенство. Мера – природная, эстетическая категория и не зависит от желания даже самого властного человека, но создается тысячелетиями национального опыта, вернее – она изымается из живой природы и принимается человеком как единственная гармония. Мера – это сердцевина красоты, и выступать против решится лишь нахрапистый противник природного равновесия» [14, с.8]. Здесь только стоит добавить слова В.А. Кутырева о том, что «*механизм адаптации: любая патология в конце концов возводится в норму*» [15, с.50].

Однако так происходит в сфере современной *насквозь купле-продажной* экономики, повсеместный реакционный империализм которой всячески стремится оправдать неолиберализм как ее мировую

апологетическую идеологию. Порой кажется, что и выхода нет. Но это так только кажется. Когда начинаешь **критически осмысливать** ситуацию (именно критическое осмысление как таковое и должен по замыслу его адептов изжить насаждаемый неолиберализм!), то перед мысленным взором предстает **хозяйство** и хозяйствование (такого-то слова даже нет в убогом английском языке, не то что понимания!). На ум приходит глубочайшее смыслообразовательное положение С.Н. Булгакова о том, что «хозяйство, понятое достаточно широко, не есть подъяремная работа скота, но творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода, даже более, следует сказать, что она и есть эта самая свобода, и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинно творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве» [16, с.304]. Именно в хозяйстве и посредством хозяйства раскрывается и реализуется человек, его личность, определяемая духовностью и нравственностью, его совестью как первопричиной человеческого и человеческого.

Все эти соображения позволяют дать одно из первичных определений социальной экономики. Его можно сформулировать следующим образом: *социальная экономика – это наука о воспроизводстве и реализации духовно-интеллектуального разделенно-совместного человеческого потенциала в процессе хозяйственной деятельности, где в основе наращивания и совершенствования социальных связей, решений и действий лежат нравственные ценности хозяйствующей личности.*

Социальная экономика и разыскание истины

...Разыскание истины перестает быть по существу делом одного ума, а есть обращенность всего духовного нашего состава к познанию подлинной реальности
В.В. Зеньковский

Социальная экономика становится определяющим элементом актуальной структуры экономической науки именно тогда, когда возникла острая необходимость введения в научный дискурс человекообразности объекта научного анализа. Но сама человекообразность неподъемна в пределах только экономической науки. Осознание этого во многом предопределило переход к постнеклассике как универсумному синтезу самых различных знаний,

в размыслительном поле которого вновь предстоит вернуться к фундаментальнейшим проблемам современной науки, но с пониманием того, что самой по себе науки недостаточно для восприятия и познания человеком усложняющегося мира.

Вот, к примеру, взять научное понимание *государства*. Согласно науке оно возникает и функционирует в силу необходимости выполнения в обществе значимых общих функций, призванных создавать условия для развития общества. Но анализ реального функционирования украинского государства рисует совершенно иную его картину, которая весьма далека, даже противоположна научным представлениям. В последние десятилетия государство превратилось в мощнейший источник насаждения в обществе *двойных стандартов*, чем заняты политико-руководящая элита и чиновники от самых нижних до самых высоких государственных уровней. Это действо стало главной причиной *прогрессирующей деградации* как самой *элиты* [см. 17], так и всех сфер общественного развития. Когда разговариваешь с чиновником, независимо от его ранга, то перед тобой находится милейший человек, ясно понимающий катаклизмы реальности и необходимость их устранения. Но действует он по совершенно иным понятиям, ибо он всего лишь «винтик» государственной системы, которая направлена не на нечто внешнее – повышение благосостояния народа, а на свое самосохранение и воспроизводство. И служение чиновника при произнесении правильных лозунгов и фраз превращается в служение именно системе, а через нее – в служение себе любимому, ибо свой карман, ставший выразителем современного основного инстинкта «элиты», ближе. Государство в такой системе – не выразитель общественного интереса, а лишь инструмент самовоспроизводства и удовлетворения *лично-корыстных интересов чиновников*, которые своей главной функцией сделали функцию личного обогащения, превратив собственный народ и национальные богатства страны в «дойную корову», которую даже кормят от случая к случаю, как правило, в преддверии перманентно проводимых выборов, ставших в период независимости почти священным ритуалом, заменившим собою конструктивную созидательную работу по построению *качественно иного* в *позитивном* плане бытия для *всей нации*. Беспредел функционирования такой системы закрепляет ее судебный элемент, где правым почти всегда становится тот, кто *больше даст* за нужное ему решение. И наступил тот момент, о котором некогда предупреждал классик: «Лик Христа истребляется в человеке. И потом мы увидим скота».

Под повсеместные заклинания о демократии и неолиберальных ценностях, правах человека и европейском выборе круг замыкается: система воспроизводится, превращая общество в толпу, которая, обработанная новейшими манипулятивными технологиями, воспринимает двойные стандарты не просто как данность, но даже с некоторым пиететом как последнее высшее достижение в борьбе за свободу, постмодернизм, постиндустриализм, глобализм и изначальную национальную европейскую принадлежность. Но эти двойные стандарты обернулись не желаемой истинной демократией, а настоящей анархией, подминающей под себя закон и порядок.

Такая доморощенная европейскость уже дала свои черные плоды. Результаты проводимой социальной политики в последние пять лет не дают права говорить о том, что что-то в стране меняется к лучшему. Если эти результаты рассматривать в русле того, что упорядочение «социальной сферы современного общества неразрывно связано с разработкой принципиально *новой социальной политики* и ее переориентацией с традиционного материально-вещественного потребления на интеллектуальное и духовное развитие человека как личности, воплощающей в себе все ценнейшие достижения многовековой эволюции и прогресса» [18, с.172], что в принципе соответствует наиболее передовым современным тенденциям развития человеческого общества, то результативность украинской социальной политики можно оценить по отношению государства к детям как будущему нации.

Во-первых, сегодня, как было заявлено в СМИ, *смертность* в Украине *в два раза превышает рождаемость*, а количество разводов в два раза превышает количество заключаемых браков. Теперь в Украине не 52 млн. жителей, как было в начале рыночных преобразований, а всего лишь 46,6 млн. чел., т.е. происходит процесс физического **вымирания** нации. В то же время количество стариков больше, чем детей. Чтобы население Украины перестало сокращаться, каждая женщина должна рожать в среднем 2,3 ребенка, а не 1,2, как сегодня [19, с.62, 67].

Во-вторых, помощь государства при рождении ребенка *не стимулирует семьи обзаводиться несколькими детьми*. 8,5 тыс. грн. пособия представляются малой толикой того, что ребенку потребуется после рождения. Пособие по уходу за ребенком остается крайне низким, чтобы на него можно было прожить матери и ребенку. Его размер, ранее фиксированный, ныне исчисляется как разница между 50% прожиточного минимума для трудоспособных (сейчас 262,5 грн. в месяц) и среднемесячным доходом на одного члена семьи за последние полгода. Однако оно не может составлять менее 90 грн.

для незастрахованных в системе социального страхования и 23% прожиточного минимума для застрахованных (120,75 грн. в месяц). При таком способе расчета пособия на самую большую помощь претендуют бедные семьи, но даже ее максимальная сумма – 262,5 грн., которая выплачивается, если семья вообще не имеет официальных доходов, не достигает уровня прожиточного минимума для ребенка в возрасте до 6 лет (с января по март 2007 г. – 434 грн.) [19, с.64].

В-третьих, по словам президента В.А. Ющенко, 64% семей с тремя и больше детьми, а также 40% семей с двумя детьми находятся в Украине *за чертой бедности*. По официальной статистике, 8 тыс. детей убегают из дому или из интернатов, а 12 тыс. детей находятся вне школы [20, с.20].

В-четвертых, у нас, по данным проф. Г. Апанасенко, *смертность мужчин в наиболее продуктивном возрасте (20–60 лет) в 3–5 раз превышает среднеевропейские показатели, а у студентов украинских вузов 20–24 лет «биологический» возраст превышает паспортный на 10–15 лет* [21, с.14].

В-пятых, Украина – страна *генно модифицированных продуктов* питания: картофель, свекла, кукуруза, томаты, соя занимают более половины засеваемых площадей. Опыты на пяти поколениях крыс, которых кормили ГМ-соей перед спариванием, проведенные д. б. н. Е. Ермаковой в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, показали, что 60% родившихся крысят погибли в течение нескольких дней, а выжившие сильно отставали в развитии и уже во втором поколении потомства не давали. При вскрытии были обнаружены серьезные дегенеративные изменения в печени, почках, семенниках. У живых грызунов были нарушены инстинкты, в том числе и материнский, повышен уровень тревожности [22, с.15].

Сохранение такой социальной политики сделает вполне реальным пессимистический прогноз ООН о сокращении численности населения Украины до 39,6 млн. в 2020 г. и до 26,4 млн. в 2050 г., не говоря уже о каком-либо качественном (образовательном, интеллектуальном, нравственном) повышении человеческого потенциала украинской нации.

Наука не только фиксирует подобные факты, но и кое-что предлагает, но ее предложения не принято замечать чиновничьей публикой. Другими словами, наука в нашем государстве не стала действенной силой, ибо она выведена за формат господствующих сегодня в стране сиюминутных интересов власть предержащих. Разрыв власти и науки – путь в никуда. И так будет до тех пор, пока

«олигархия прямо претендует на теократические функции, вынося безапелляционные суждения в области морали, культуры и веры» [23, с.125], коммерциализирует культуру, ибо «коммерческая культура адресована самой примитивной стороне человеческого существа, она поощряет инстинкты в ущерб разуму и морали» [23, с.126]. В итоге практически абсолютной становится экономическая власть², которая «с болезненной ревностью относится к этим (родной язык, священная земля предков, национальная территория, национальные интересы, гражданский и воинский долг – Г.З.) непродаваемым и неотчуждаемым ценностям» [23, с.130]. Но также становится ясно и другое: пути выхода из потока всеобщей деградации можно найти только в сфере духа человека, в его нравственных опорах, которые воплощают высшие ценности жизнедеятельности.

Именно поэтому в постнеклассическом знании важное место начинает занимать знание *религиозное* как изначальное Слово, поиски интерпретации которого породили саму науку. В этом плане следует еще раз переосмыслить цепочку «религия – философия – наука» с точки зрения как безусловной важности императива выживания человечества, так и повседневной хозяйственной практики каждого отдельного человека. Исходным тезисом здесь может служить положение о том, что «религия есть начало или *фундамент культуры*. В мистическом опыте человек обретает высшие *ценности*. Здесь закладываются *пред-разумные* установки, определяющие поведение человека. Их можно назвать *верой*, *предельным интересом* или как-то еще. От этого не меняется их суть и назначение – *облагородить* сознание и человека вообще. С этого начинается культура» [24, с.10]. Человек как культурное существо, как хозяин своей жизнедеятельности (хотя насаждаемая масс-культура ставит целью разрушить эту его ипостась) «воспринимает действительность сквозь призму культурного текста и свое поведение строит не по бихевиористской схеме (стимул – реакция), а на основе непрекращающихся герменевтических процедур, при которых факты действительности интерпретируются на основе предварительной смысловой схемы, а сама эта схема то и дело реконструируется и корректируется под давлением новых фактов» [25, с.8]. Но все же человек остается человеком постольку, поскольку постоянно задумывается над вопросами вечными, но в нашей реальности очень

---

² «Сегодня, когда экономическая власть, с ее вездесущими агентами-менеджерами, заявляет о своей претензии на полное и безраздельное господство, в самый раз подумать о сдержках и противовесах. Ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль» [23, с. 129].

обостренными – вопросами смысла жизни, которые вовсе не сводятся только к материальному и сиюминутному. В этом плане глубоко прав Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, когда сказал: «Я глубоко убежден, что на основании исторического опыта, приобретенного нашей страной, мы, как никто другой, можем обратиться к миру с уникальным посланием и сказать: построение общества всеобщего благоденствия никогда не принесет человечеству счастья, если поиски этого благоденствия будут осуществляться вне контекста духовных потребностей человека...» (выделено мной – Г.З.) [26, с.1].

Осознание такого рефрена, в котором человеческие ценности и способность человека творить прежде всего в мыследеятельности, базирующемся на понимании сознания как более фундаментального основания реальности, нежели привычные нам материя, пространство и время, по-новому ставит понимание самой проблемы *развития*. Этот новый подход весьма плодотворно разрабатывается М.А. Чешковым, который, на мой взгляд, весьма аргументировано доказал, что понятие развития «характеризует имманентную (архетипическую) человеку/человечеству потребность и способность к творению новых форм бытия/сознания, включая как их самовоспроизводство, так и саморазрушение; данные потребности и способности реализуются человеком как субъектом мыследеятельности, преследующей фундаментальные цели и развертывающейся в вариативном процессе через разнообразные исторические типы и формы с их пространственными масштабами и временными режимами» [27, с.139]. Если быть более кратким, то можно сказать, что развитие сегодня следует понимать как потребность и способность человека в новом качественном творении жизни посредством ценностной мыследеятельности. Но в мыследеятельности как творческом усилии сознания присутствует не одно научное знание, ибо в состав сознания входит и вера. Человеческая жизнь без веры невозможна. Сама же вера (речь идет о христианской вере) открывается «как хранение возле себя Бога, благодаря чему человек обретает прочную опору своей жизни» (Йозеф Рацингер). Понимание этого приводит к выводу, что «можно с уверенностью утверждать, что европейская культура сегодня *полнее христианством*, нежели, скажем, в средневековье. Это парадоксальное утверждение означает следующее: оставаясь закваской и инкрустацией, христианство на поверхности видится лишь в светских формах. Христианское происхождение современных принципов жизни, идей и крупных социальных институтов обнаруживается только при специальном исследовании» [24, с.18].

Такое же исследование неизбежно приведет к тому, что «первоначальным вкладом великих религий могли бы стать их исторические идеалы, ибо идеал развития создают не экономические и социальные науки, иными словами, нам нужно искать у религиозных мыслителей то, что не чуждо социальному измерению» и «всякое размышление о развитии, если оно хочет быть не только социологическим анализом, непременно должно следовать христианской антропологии и космологии» [28, с.157, 251]. И главное в таком ходе размышлений, которые намного глубже многих современных психологических и педагогических теорий, сводится к тому, что «христианство открыло миру *личность*. В христианском дискурсе эту мысль можно выразить следующим образом: знак величия личности в том, что Бог явил себя в образе человека. С приходом христианства в мир *нравственные* добродетели отделились от *гражданских* и стали самодовлеющими» [24, с.19].

В нынешних условиях многомерной, многоплановой и многоуровневой неолиберальной глобализации человечество поставлено на грань выживания, ибо вопрос, сформулированный Великим Мудрецом Никитой Моисеевым «Быть или не быть... человечеству?» стал фиксацией заглавной, определяющей все иные, проблемой. От ответа практического, которому не может не предшествовать глубинное осознание проблемы, зависит наше будущее. Но глубинное осознание основывается только на ценностном видении, имеющими первоисточники и первооснования в религии. «Глобализация накладывает свой отпечаток практически на все сферы жизнедеятельности человека, за исключением, пожалуй, одной: религии. Только религия сегодня последовательно сопротивляется отчаянному натиску глобализма, вступая в неравный бой за защиту тех ценностей, которые она считает основополагающими и которым глобализация бросает вызов. И только религия способна противопоставить идеологии глобализма свою систему духовно-нравственных ценностей, основанную на многовековом опыте поколений, сформировавшихся в до-глобализационную эпоху» [29, с.270]. И вновь, вслед за В.В. Зеньковским, следует констатировать, что горе нашей эпохи «в том, что в ней разъединены знание и вера, научное исследование и искание Бога» [30, с.315].

Данные рассуждения, на мой взгляд, позволяют, пусть не в полной мере, но все же как-то понять, что же является наиболее существенным в вышеприведенном определении предмета социальной экономики.

Весьма отраднo отметить, что появилась статья А. Гальчинского, в которой по-новому определены задачи методологии экономической науки, среди которых выделены необходимость признания растущей роли морально-психологических и этических норм, мотивов идеального характера; обоснование положения, что экономика сама собой стала непосредственной составляющей социальной сферы, которая не только поглощает ее результативное основание, но и определяет большую часть энергетического потенциала, ее ресурсную базу, пределы роста и развития; проблема реабилитации политической экономии [31]. Но, на мой взгляд, процесс **реабилитации политической экономии** в содержательном плане, исходя из новых социально-экономических реалий, прежде всего понимания экономики как непосредственной составляющей социальной сферы в условиях формирования образовательного общества, **совпадает именно со становлением социальной экономии**, которая в снятом виде включает в себя политическую экономию и опирается на ее важнейшие достижения.

Социальная экономия и высшее образование

Нынешнее образование заинтересовано лишь во внешней эффективности, оно полностью игнорирует и умышленно искажает внутреннюю природу человека
Джидду Кришнамурти

Если миропонимание и **мировоззрение** начинает формироваться еще в утробе матери, о чем дают основание говорить работы С. Грофа по трансперсональной психологии, то четко выраженные его контуры во многом определяются системой высшего образования, которое стремится получить почти каждый современный человек. Сегодня о роли высшего образования и современного университета идут **жесткие дискуссии**, в которых в силу новой моды оппоненты стараются не замечать друг друга. Но смысл сводится к дилемме: должен ли университет превратиться в своеобразную *цирковую площадку*, поставляющую экзотические видения [см. 32] виртуальной реальности, или, по иному сценарию – в нечто подобное элитному профтехучилищу, дающему некие быстроустаревающие навыки, или же он должен оставаться процессирующим местом *критической мыследеятельности*, вырабатывающим *целостное* понимание универсума и места каждого человека в нем.

Первое направление отстаивают те, кто безоглядно воспринял современный неолиберальный глобализм и хочет превратить его в единственно господствующую идеологию. В теоретическом плане предназначение данного направления развития образования хорошо выразил Ф. Фукуяма: «Современное образование... освобождает людей от приверженности традиции и авторитету... Иными словами, современное образование стимулирует определенные тенденции к релятивизму, то есть учению, в котором все горизонты и системы ценностей относительны, связаны со своим местом и временем, и никакие слова не суть истина, но отражают предубеждения или интересы тех, кто их произносит. Учение, которое утверждает, что нет привилегированных точек зрения, очень точно подходит к желанию демократического человека верить, что его образ жизни не хуже и не лучше других... Последний человек в конце истории знает, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди дрались друг с другом, решая, следует ли быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком...» [33, с.459–460]. Иваны, не помнящие своего родства, или духовные дегенераты – результат такого образования.

Второй подход, который становится все труднее осуществимым под натиском глобализаторов и местных компрадоров-прислужников, только и может создать условия для развития личности, о которой речь шла выше, которая должна стать главным субъектом социальной экономики. В этом нужном обществе усилия вряд ли поможет «болванский» процесс всеобщей универсализации посредственности, поверхностные схемы и игра в «крестики – нолики» под видом «прогрессивности» всеобщего тестирования, которая с *ужасающей скоростью разрушает* поле непосредственного общения профессора со студентом, где только и вырабатывается живое знание. Высшее образование, безусловно, должно учитывать современные тенденции, но не в смысле их безоговорочного насаждения, а с целью, прежде всего, их всестороннего осмысления, глубинного понимания и оценки социальных последствий для человека, общества, Природы. Превращение всего и вся в игру оборачивается тем, что человек становится не игроком, а средством игры, или по иному, как весьма метко сформулировал В.П. Зинченко, «личность становится наличность того, кто ее сформировал» [34, с.174]. Нынешняя государственная система высшего образования подчиняет всех – студентов, профессоров, общество – и превращает их в своих заложников, первоначально «подчиняет себе науку об образовании и требует от нее научного обоснования исключительно собственных

прожекторов и новаций. Система оперирует большими числами и никак не может освободиться от «фантома однообразия», от искусственного подведения всех под одну норму» [34, с.170]. Эту норму теперь обозвали индивидуализацией образования, мало себе представляя и не утруждая даже узнать, что такое эта самая индивидуализация не в примитивно-поверхностном, а в глубинном смысле. Тот, кто «сконструировал» свои ценности на основании всестороннего и глубокого осмысления ценностей вечных и действует в соответствии с ними, воспринимается живым укором, изгоем в стройных рядах современных образованцев.

Если весьма сжато раскрыть характеристику и роль современного высшего образования с точки зрения необходимости формирования социальной экономики, то можно выделить следующие тезисы.

1. Кризис образования отражает кризис общества, где деградирующее государство подчиняет себе систему образования, делая ее средством деградации личности.

2. Ценность и назначение истинного образования – способствовать образованию у школьников и студентов человеческих и человеческих миров, т.е. тех начал, которые очеловечивают людскую природу (Гердер).

3. Переход от технологически-технократической модели образования к культурно нагруженному образованию, основанному на истинах пред-разумности, становится главным средством становления и развития личности, которая сможет реализовать современный императив выживания человеческого общества.

4. Необходимость радикального пересмотра понимания самой высшей школы, которая должна стать местом воспроизводства высоких знаний и культуры, местом приобщения к таковым студентов и профессоров. Это возможно, если пирамиду современного университета перевернуть: не ректорат определяет содержание работы профессора, а профессор определяет логику работы ректората.

5. Университет должен давать классическое образование как возможность познания универсума через углубление фундаментализации и гуманизации содержания образования, ориентированного на целостность человека и целостность его знания на основе ухода от механико-материалистического понимания реальности, признавая фундаментальнейшую в ней роль сознания, что позволяет осуществить внедрение в образовательно-исследовательский процесс принципов постнеклассической науки.

6. Квалиметрический подход, а не принцип «плюс пять дисциплин» должен лежать в основании различения подготовки бакалавров и магистров, коль уж невозможно избежать подражания не лучшей в мире вестернизирующей системе подготовки специалистов. Примером здесь должна служить магистерская работа выпускника Харьковского императорского университета А.Л. Метлинского «О сущности цивилизации и о значении ее элементов», которая была опубликована в 1839 г. как вторая в мире (после книги «История цивилизации в Европе» Ф. Гизо в 1828 г.) научная монография по проблеме исследования цивилизаций.

Социальная экономия находится в стадии формирования, отражая и выражая становление постнеклассической науки. Знания научные никогда не станут знанием достаточным и научная картина реальности всегда будет только приближением. Это обусловлено как самим миром, так и человеком. Постнеклассика создает новые горизонты и возможности потому, что начала осознавать роль предзнаниевых ценностей. Она широко открывает врата для вхождения в мир знания того, что механико-материалистическая наука не считает научным знанием, но роль которого вне зависимости от навешенного ярлыка, остается фундаментальной в жизнедеятельности каждого человека. Вспоминаются слова первооткрывателя электрона, классика физики Р. Томпсона о том, что усиленное занятие наукой неизбежно приводит к понятию Бога. Социальная экономия центром своих исследований ставит человеческую личность. Но и «для христианства тема о человеке является центральной, поскольку все христианское богословие строится вокруг Христа, то есть события Боговоплощения. Бого-словствование всегда есть и человеко-словствование, теология связана с антропо-логией, ибо Христос – Богочеловек, а потому можно сказать, что истина – богочеловечна. Бог открывается через человека и в человеке, а человек обретает человечность, становится в полном смысле человеком только в своей обращенности к Богу. Возможно, именно это христианское видение человека поможет по-новому осмыслить как наследие европейского гуманизма, так и современные процессы дегуманизации» [35, с.45]. Интеграция знания и непознаваемого необходима. Признать это и понять мир и себя в нем по-новому – залог нашего спасения и выживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А.К. Социальная физика институтов // Экономическая теория в XXI веке – 4 (11): Институты экономики. – М., 2006.
2. Weber M. Economy and Society [Vols.1–2]. – N–Y., 1968.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М., 2004.
4. Тарасевич В.Н. Институциональная теория: методологические поиски и необходимые гипотезы // Постсоветский институционализм. – Донецк, 2005.
5. Задорожный Г.В., Радченко Я.Ю. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания // Социальная экономика. – 2003. – № 4.
6. Задорожный Г.В. Социальная экономия в новой картине реальности // Социальная экономика. – 2005. – № 1–2.
7. Задорожный Г.В. Новое осевое время и социальная экономика: о теоретическом основании реализации императива выживания человечества в XXI веке // Социальная экономика. – 2006. – № 1–2.
8. Шабанова М.А. Социоэкономика: от парадигмы к новой науке // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1.
9. Бородкин Ф.М. Социоэкономика. Статья 1. Путь к господству над хозяйством // Общественные науки и современность. – 2006. – № 4.
10. Бородкин Ф.М. Социоэкономика. Статья 2. После конца экономики // Общественные науки и современность. – 2006. – № 5.
11. Солженицин А.И. На возврате дыхания. – М., 2004.
12. Горелова Т.А. Доминанты морального сознания и поведения: эволюционный аспект // Человек. – 2005. – № 6.
13. Задорожный Г.В., Бервено О.В. Об очередной догме и панацее в экономической теории (институционализм – новый мэйнстрим?!) // Экономическая теория в XXI веке – 4 (11): Институты экономики. – М.: Экономистъ, 2006.
14. Личутин В. Польза красоты и красота пользы // Литературная газета. – 14–20 марта 2007 г.
15. Кутырев В.А. Могущественный раб техноса... // Человек – 2006. – № 4.
16. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. Т. 1. – М., 1993.
17. Удовик С.Л. Особенности современной политико-экономической элиты Украины в контексте глобализации // Социальная экономика. – 2003. – № 1.
18. Бабич В.П. Основы современной отнологии: методология, проблемы, перспективы. – Харьков, 2006.
19. Котусенко Л. Деньги и дети // Эксперт. – № 8. – 26 февраля – 6 марта 2007.
20. Котляр А. О детоцентризме и прочих «измах» // Зеркало недели. – 17 марта 2007 г.
21. Рожен А. Ментальный крест – злоумышление поневоле // Зеркало недели. – 17 марта 2007 г.
22. Галковская Т. От чего худеют дождевые черви // Зеркало недели. – 17 марта 2007 г.
23. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2002.
24. Шкода В.В. Философия in Action. – Харьков, 2004.
25. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2003.
26. Вопросатель вечных вопросов // Литературная газета. – 22–28 ноября 2006 г.

27. Чешков М.А. Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 5.
28. Ходр Георгий, Митрополит Гор Ливанских. Призыв духа. – К., 2006.
29. Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алферов). Благословение или проклятие? Традиционные или либеральные ценности в споре между христианством и западной цивилизацией. Доклад на конференции Мирового общественного форума “Диалог цивилизаций”, Гавана (Куба), 29 марта 2005 г. // Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алферов). *Православное свидетельство в современном мире: Доклады, интервью, слова*. – СПб., 2006.
30. Зеньковский В.В. *Наша эпоха* // Зеньковский В.В. *Русские мыслители и Европа*. – М., 1997.
31. Гальчинський А. *Економічна наука: проблеми методологічного оновлення* // *Економіка України*. – 2007. – № 3.
32. Покровский Н.Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 4.
33. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. – М., 2005.
34. Зинченко В.П. *Детство – ценность, а не объект проектирования и воспитания* // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 1.
35. Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. *Путь жизнеутверждающей любви*. – К., 2004.